

Голубая комната

Автор:

[Проспер Мериме](#)

Голубая комната

Проспер Мериме

Новеллы Проспера Мериме

«... Тем не менее всякий раз, как кто-нибудь входил в вокзал или экипаж останавливался перед входной дверью, у молодого человека в синих очках сердце расширялось, как пузырь, колени начинали дрожать, саквояж готов был выпасть из рук, а очки сваливались с носа, на котором, кстати сказать, они сидели совсем криво.

Но стало еще хуже, когда, после долгого ожидания, из боковой двери, единственного места, за которым он не наблюдал, показалась женщина, вся в черном, с густым вуалем на лице, держа в руках темный сафьяновый саквояж, в котором, как я впоследствии установил, находились чудесный капот и голубые атласные туфли. Женщина и молодой человек пошли друг другу навстречу, смотря направо и налево, но не прямо перед собой. Они сошлись, соединили руки и несколько минут стояли, задыхаясь и дрожа, охваченные тем острым волнением, за которое я отдал бы сто лет жизни философа. ...»

Проспер Мериме

Голубая комната

Мадам де Ларюн

Молодой человек в волнении ходил по вокзальному залу. У него были синие очки, и, хотя он не был простужен, он поминутно подносил платок к носу. В левой руке он держал маленький черный саквояж, в котором находились, как я потом узнал, шелковый халат и шальвары.

Время от времени он подходил к выходной двери, вынимал карманные часы и проверял их по вокзальным. Поезд уходил только через час, но есть люди, которые всегда боятся опоздать. На таких поездах не ездят деловые люди: вагонов первого класса было мало. Час был не тот, когда биржевые маклеры, окончившие дела, едут обедать на дачу. Парижанин без труда узнал бы в пассажирах, которые начали собираться, фермеров или пригородных лавочников. Тем не менее всякий раз, как кто-нибудь входил в вокзал или экипаж останавливался перед входной дверью, у молодого человека в синих очках сердце расширялось, как пузырь, колени начинали дрожать, саквояж готов был выпасть из рук, а очки сваливались с носа, на котором, кстати сказать, они сидели совсем криво.

Но стало еще хуже, когда, после долгого ожидания, из боковой двери, единственного места, за которым он не наблюдал, показалась женщина, вся в черном, с густым вуалем на лице, держа в руках темный сафьяновый саквояж, в котором, как я впоследствии установил, находились чудесный капот и голубые атласные туфли. Женщина и молодой человек пошли друг другу навстречу, смотря направо и налево, но не прямо перед собой. Они сошлись, соединили руки и несколько минут стояли, задыхаясь и дрожа, охваченные тем острым волнением, за которое я отдал бы сто лет жизни философа.

Когда они обрели дар слова, молодая женщина (я забыл сказать, что она была молода и красива) произнесла:

– Леон, Леон, какое счастье! Я никогда бы вас не узнала в этих синих очках!

– Какое счастье! – ответил Леон. – Я бы никогда не узнал вас под этим черным вуалем!

– Какое счастье! – повторила она. – Зайдем скорее места. Вдруг поезд уйдет без нас! (Она крепко сжала ему руку.) Никто ничего не подозревает. В настоящее время я с Кларой и ее мужем еду к ним на дачу, где завтра должна с ними проститься. И вот уже час, как они уехали, – прибавила она, смеясь и опуская

голову, – а завтра... проведя последний вечер с нею (она снова сжала его руку)... завтра утром она отвезет меня на станцию, где я встречу Урсулу, которую я послала вперед к тетке... О, у меня все предусмотрено! Возьмем билеты... Узнать нас невозможно! Ах, а вдруг в гостинице спросят наши фамилии? Я уже забыла...

– Господин и госпожа Дюрю.

– Ах, нет! Только не Дюрю! В пансионе был сапожник по фамилии Дюрю.

– Ну, тогда Домон?..

– Домон.

– Превосходно. Только у нас ничего не будут спрашивать.

Раздался звонок, двери зала отворились, и молодая женщина, не поднимая вуали, устремилась со своим спутником к вагону первого класса. Второй звонок – и дверца купе захлопнулась за ними.

– Мы одни! – радостно закричали они.

Но почти в то же мгновение человек лет пятидесяти, одетый в черное, со скучающим и важным видом вошел в купе и расположился в углу. Паровоз дал свисток, и поезд тронулся.

Молодая пара, сев как можно дальше от неприятного своего соседа, начала говорить вполголоса, да еще вдобавок, из предосторожности, – по-английски.

– Сударь, – проговорил их спутник на том же языке, но с более чистым британским акцентом, – если у вас есть секреты, вам лучше было бы не говорить их при мне по-английски. Я англичанин. Мне очень жаль, что я вас стесняю, но в другом купе сидит только один мужчина, а у меня правило – никогда в дороге не садиться с одиноким мужчиной. А у него еще физиономия Иуды. Вот это могло бы его соблазнить. (Он указал на чемодан, брошенный им на подушку.) Впрочем, если я не засну, то буду читать.

Действительно, он честно постарался заснуть. Он открыл чемодан, вынул оттуда дорожную шапочку, надел ее на голову и просидел несколько минут с закрытыми глазами. Потом с недовольным видом открыл их, отыскал в чемодане очки и греческую книгу и принялся внимательно читать. Чтобы достать книгу, пришлось перерыть в чемодане множество мелких предметов, уложенных в беспорядке. Между другими вещами он извлек из недр чемодана довольно толстую пачку английских банковых билетов, положил их на диван перед собою и, прежде чем обратно уложить их, показал молодому человеку, спросив, сможет ли он разменять их в N.

- По всей вероятности. Ведь это на пути в Англию.

N. было место, куда ехала молодая пара. В N. есть довольно чистенькая гостиница, где останавливаются только по субботам вечером. Говорят, что там хорошие номера. Хозяин и прислуга нелюбопытны: они живут не так уж далеко от Парижа, чтобы страдать этим провинциальным недостатком. Молодой человек, которого я уже назвал Леоном, присмотрел эту гостиницу несколько дней тому назад, когда приезжал без синих очков, и его описание вызвало у его подруги желание побывать там.

А в тот день она находилась в таком настроении, что даже тюремные стены показались бы ей полными прелести, если бы ее туда заключили вместе с Леоном.

Между тем поезд все шел; англичанин читал свою греческую книгу, не оборачиваясь к спутникам, которые разговаривали так тихо, как умеют шептаться только любовники. Читатель, быть может, не особенно удивится, если я ему открою, что они и были любовниками в полном смысле этого слова. Прискорбно то, что они не были повенчаны, но к этому имелись серьезные препятствия.

Поезд подошел к N. Англичанин вышел первым. Покуда Леон помогал своей спутнице выйти из вагона так, чтобы не видно было ее ножек, какой-то человек выскочил на платформу из соседнего купе. Он был бледен, даже желт, с впалыми, налитыми кровью глазами, плохо выбрит – признак, по которому часто можно узнать большого преступника. Платье у него было чистое, но крайне изношенное. Его сюртук, когда-то черный, а теперь серый на спине и на локтях, был застегнут до самого верха, вероятно, для того, чтобы не видно было жилета, еще более вытертого. Он подошел к англичанину и смиренно начал:

- Uncle!..[1 - Дядюшка (англ.)]

- Leave me alone, you wretch![2 - Оставь меня в покое, негодяй! (англ.)] -
закричал англичанин, и серые глаза его загорелись гневом.

Он направился к выходу.

- Don't drive me to despair[3 - Не доводите меня до отчаяния (англ.)], -
продолжал другой голосом жалобным и в то же время почти угрожающим.

- Присмотрите, пожалуйста, одну минуту за моими вещами, - сказал старик
англичанин, бросая к ногам Леона свой чемодан.

Затем он схватил за руку человека, который к нему обратился, отвел или,
вернее, толкнул его в угол, где, по его расчетам, их нельзя было слышать, и стал
что-то говорить ему, казалось, очень резким тоном. Потом он вынул из кармана
несколько бумажек, скомкал их и сунул в руку человека, который называл его
дядей. Тот взял бумажки, не поблагодарив, и почти сейчас же исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дядюшка (англ.).

2

Оставь меня в покое, негодяй! (англ.)

3

Не доводите меня до отчаяния (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/prosper-merime/golubaya-komnata>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)